

Ваханская долина. Часть 1: Наматгут и дорога в Биби-Фатима

Самую южную из памирских долин, где пограничный Пяндж течёт не на север, а на запад, как бы подводя черту под территорию, когда-либо бывшую "нашей", в Таджикистане называют то Ишкашим, то Вахан. На самом деле оба эти названия некорректны: Ишкашим - местный райцентр, но историческая область с таким названием уходит вниз вдоль Пянджа, к показанному [в прошлой части Горону](#) с его гейзерами и рубинами. Ну а Вахан - это древнее горное княжество, и хотя его исмаилитский народ относится к памирцам, большей своей частью оно уходило за Гиндукуш. Столь хорошо заметные на карте "хвостики" Афганистана и Пакистана в официальных границах - это тоже Вахан, а ваханцы, всего сто тысяч человек, разделены примерно поровну между Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном, спорным Кашмиром и Китаем. Вахан - это, в сущности, уже и не Средняя Азия, а та самая "макушка Британской Индии" из публицистики 19 века. И как и положено в Индии, Вахан переполняют древности, будь то руины крепостей незапамятно давних времён или таинственные мазары с грудями архаровых рогов. Сама долина кажется широкой, но её ширина не больше высоты окрестных гор Памира и заречного афганского Гиндукуша. И здесь всегда ветер.

В прошлых частях о Памире одним из самых частых комментариев было: "да это другая планета!". Но по сравнению с Ваханом остальной Памир родной и понятный, как берёзовая роща. О Вахане я расскажу в трёх частях, с запада на восток, вверх по Пянджу коридором между берегом реки и стеною гор. И первый же кишлак Наматгут - своеобразное "введение в Вахан".

Пяндж в Ваханской долине течёт не строго с востока на запад, а скорее со стороны Китая в сторону Персии. 15 километров от Ишкашима до Наматгута - острый угол, и за десять минут езды успеваешь до неузнаваемости измениться буквально всё - что пейзаж, становящийся совсем

уж грандиозным, что воздух, обретающий пронзительную прозрачность, да появляется свежий ветер, который будет сопровождать до самого конца долины. Я оставил коллективное такси на краю широкого поля, за которым, на фоне ледяных вершин Гиндукуша, возвышаются руины одинокой и громадной глиняной крепости с непроизносимым названием Каахкха:

2.

С другой стороны я увидел жёлтые скульптуры баранов и архаровы рога, и сразу понял, что это гостевой дом - Ваханская долина не только самая интересная, но и самая туристическая, и прямо скажем - кишлакам дальней части туризм не идёт на пользу. В Наматгут же туристы, в том числе и я, попадают обычно утром, после ночи в Хороге, со свежими силами и нетерпением увидеть чудеса, расположенные дальше по долине. Заехать сюда вечером, и продолжить путь на рассвете - на мой взгляд, было бы весьма удобно, но я про этот гостевой дом просто ничего не знал:

3.

Так что внутри гестхауса мне встретились только хозяева - интеллигентный памирец в совсем не характерном для этих мест пакуле и его хозяйственная супруга. Но уже по воротам я понял, что хозяин - интересный человек, и не ошибся: он жил несколько лет в Москве, был знакомом с [a_krotov](#), а среди постояльцев своих упомянул несколько известных мне людей. На радостях от встречи с почти что знакомым, он разрешил мне бесплатно оставить рюкзак и обещал приготовить обед, когда я вернусь за рюкзаком с крепости.

За.

Условия в гестхаусе спартанские, зато какой колорит! Я ещё местного туалета не фотографировал - не тесный и затхлый сарай, а натурально просторный двор под открытым небом за высоким забором из дикого камня.

4.

По возвращении из крепости обедали варёной картошкой и лепёшками с творогом вот на этой террасе - такие часто встречаются в ваханских домах, видимо защищая дастарханы от свежего, но назойливого ветра. Вспоминали Москву, вечера на Квартире Кротова, наших путешественников и заграничных гостей, да конечно же те славные времена, когда здесь стояла русская армия. Потом по дороге мелькнуло несколько минивэнов с туристами, и хозяева, вежливо откланявшись передо мной, нарядились афганцами и побежали в крепость продавать сувениры.

5.

Я же осматривал крепость чуть раньше, и это было впечатляюще - гулять одному среди огромных развалин. Эта крепость - одна из целой линии, вытянутой по долине, и некогда прикрывавшей местную ветвь Великого Шёлкового пути из Бактрии напрямик в Китай. Ваханские крепости известны с 3 века до нашей эры, а расцвет их пришёлся на первые века, когда Ваханская долина превратилась в магистраль **Кушанской империи** - буддийского государства масштабов Рима, которое основали тохары, предки пуштунов, пришедшие сюда из нынешнего Синьцзяна - то есть Ваханский коридор соединял сердце их империи с исторической родиной, навсегда покинутой индоевропейцами-саками. Ну а ваханцы - это ни что иное, как осколок синьцзянских саков, в 7 веке до нашей эры заселивших горы да так и оставшихся в них: это степнякам уйти за тысячи километров - рутина, а горцы будут сидеть в укромных долинах гор до скончания века.

6.

Крепость была разрушена в 6-7 веках нашей эры, и более не восстанавливалась. Возможно, к этому приложили руку арабы: по местной легенде, в крепостях этих жили кафиры, народ сияпуши, и каждую крепость охранял один из трёх братьев-великанов (и само собой людоедов) - Каахка, Зулкашам и Зангибор, да их сестра Зулькумор жила на перевале у дороги в Индию. И вот, по легенде, однажды сюда пришли мусульмане во главе с особо чтимым у шиитов Али, двоюродным братом Пророка, и праведный имам своим мечом сокрушил чудовищ, а кафиры в ужасе бежали за горы, где основали новую страну **Кафиристан**, последний осколок которой - калаши - **по-прежнему исповедует древнюю религию** на той стороне Гиндкушуских гор. Легенда, впрочем, явно возникла позже - арабы огнём и мечом не смогли обратить памирцев в ислам, зато в 11 веке это сумел сделать в одиночку поэт-беглец Насир Хосров, нашедший здесь убежище. Вот только был он исмаилитом, спасавшимся от суннитов, и с тех пор исмаилизм стал религией Крыши Мира.

7.

Но хотя Вахан и нависает над Индией, а от Туркестана отделён бесчисленными хребтами, всё же он колыхался на одних волнах истории с соседними [Шугнаном](#) и [Дарвазом](#). Их сюзеренами были те же династии и монархии, и так же лишь ненадолго в 16 веке Вахан связал свою историю с Индией под властью Великих моголов. Но памирские княжества были вассалами Бадахшанского ханства на равнине, и когда Великих моголов из Бадахшана выбили узбеки Шейбаниды, Вахан вновь подчинился не Агре, а Бухаре. Само же Бадахшанское ханство - сущность весьма загадочная, о нём нет даже нормальной статьи в википедии, но оно (вместе со множеством интересных деталей местного быта) многократно упоминается [вот в этих заметках дореволюционных времён](#).

8.

А первыми белыми людьми, увидевшими Вахан, были не русские. Первым белым человеком на Вахане стал британский офицер Джон Вуд, поднявшийся по Пянджу и Памирдарье до самого Памир-озера, которое назвал Викторией, ещё в 1838 году, когда Россия только-только подходила к кокандским и хивинским крепостям в нынешнем Казахстане. Но Памир и Гиндукуш тогда представляли собой целую гроздь мелких, труднодоступных и воинственных монархий, британцы на север продвигались очень неспеша, а русские словно и вовсе не интересовались тем регионом... но только с 1830 года формальным сюзереном объединившего памирские княжества Дарвазского шахства был уже не Бадахшан, а Коканд. И после ликвидации Кокандского ханства в 1876 году перед всеми соседними державами возник вопрос: "А с этими теперь что делать?!". Так начался **Памирский кризис**, высшая точка Большой игры, в которой Англия рассчитывала разделить Памир между дружественным Афганистаном и подсаженным на опиум Китаем. Китайцы выставили свои посты на высокогорье, а бадахшанские долины в 1883 году опустошили науськанные англичанами афганцы. В 1891 году из Индии в Кашгар прибыла британская делегация, формально для открытия консульства, а фактически, и об этом знала русская разведка - для переговоров о разделе Памира. Дальше медлить было нельзя...

9.

С русской стороны борьбу за Памир возглавлял полковник и атаман семиреченских казаков [Михаил Ионов](#), с британской - капитан гвардии [Фрэнсис Янгхазбанд](#), и встретившись у подножья Гиндукуша, первый вынудил второго отступить под угрозой применения силы. На радостях в русское подданство запросился буришский хан Сафдар-Али из [Хунзы](#), и британцы молниеносным ударом заняли Хунзу - только появления русских по южную сторону Гиндукуша им ещё не хватало! Русские экспедиции же ещё несколько лет гоняли по долинам афганские и китайские отряды, и например в 1893 году в бою с афганцами за Рушан и Шугнан отряд капитана Сергея Ванновского впервые в истории применил знаменитые винтовки Мосина, а несколько лет спустя могилы убитых в том бою афганцев упоминали прошедшие по Пянджу англичане Денмор и Роше. Последний бой с афганцами за шугнанскую крепость Рошткала произошёл в августе 1894 года, а в феврале 1895-го Россия и Британия, не желая новой войны наподобие Крымской, подписали договор о разграничении сфер влияния в Азии, и на Памире этой границей стал Пяндж. Так закончилась колонизация Азии:

10.

Но англичане поступили довольно хитро: угроза того, что другая белая держава захватит Индию, этот "алмаз британской короны", хотя и была весьма призрачной, но всё же не давала английским геополитикам покоя со времён Наполеоновской войны. Поэтому долину и гиндукушские склоны южнее Пянджа британцы отдали независимому Афганистану - так появился его "хвостик" к Китаю, Ваханский коридор, узкий (от 15 до 60 километров) буфер, отделявший Россию от Индии. Так ваханцы оказались разделены уже между 4 странами (ещё одна их группа осталась в Китае, в [Ташкурган-Таджикском уезде](#)), а распад Британской Индии продолжил этот раздел - часть ваханцев оказалась в Пакистане ([Читрал](#)), а часть - в спорном с Индией Кашмире ([Чипурсан](#)). В Афганскую войну пакистанские моджахеды спокойно хозяйничали за Пянджем, а в таджикскую гражданскую войну, когда Памир оказался в блокаде, многие ваханцы ходили за едой в Пакистан, до которого по дороге всего 60 километров, несколько дней пешего пути с учётом перевала.

10а.

Крепость Каахка пуста и огромна - 750 на 300 метров, ещё не [Афросиаб](#), но существенно больше [бухарского Арка](#). Что именно она охраняла - точно не известно до сих пор, то ли вход в долину, то ли древний мост через Пяндж, руины которого были заметны ещё в начале XX века. В крепости точно был дворец, но города на этом месте вроде бы никогда не было. Что удивительно - фактически крепость используется и сейчас, на её хорошо заметной цитадели с меня глаз не спускали солдаты одного из незаметных снизу пограничных постов вдоль Пянджа.

11.

Внутри - глина и битый камень, а башни глядят из бесформенных куч земли как смутное воспоминание:

12.

На самом деле кабы ни солдаты - стоило бы [подняться и на цитадель](#), где сохранились руины построек с каменными полами, похожими на булыжную мостовую. Хотя стены полуразрушенных зданий есть и внизу:

13.

По некоторым данным, у крепости было 56 башен, в основном конечно же на Пяндже:

14.

А Пяндж без Гунта - река в общем-то небольшая, узкая и быстрая. С афганских полей, с мёртвых склонов Гиндукуша напротив крепости впадает быстрый ручей:

15.

Самая мощная башня на другом углу:

16.

Смотрит куда-то вверх по долине:

17.

А многие достопримечательность Вахана оформлены вот такими вот "стендами" - один камень расписан по-таджикски, другой по-английски, и общий художественный вкус такой затеи заставляет заподозрить Ага-хана и какую-нибудь европейскую или американскую дизайн-студию, поработавшую над имиджем Вахана по его заказу.

17а.

Я осмотрел дай бог треть огромной крепости. Под её стенами - расписной дом, скрывающий внутри **очень красивый этнографический музей памирцев**. Увидев открытые ворота, я заспешил

туда:

18.

Но по дороге "зацепился" за Шахи-Мардан - крупнейший и самый чтимый из мазаров таджикостанского Вахана. Его название значит "Повелитель мужчин", это прозвище имама Али, где-то на этом месте по легенде бившегося с великаном. За глиняным забором - настоящая Священная роща, как где-нибудь в [Марий Эл](#), и когда я неуверенно замер у низеньких ворот с архаровыми рогами, в дверь которых не пройти без поклона, проходившие мимо мужики поздоровались, и в ответ на вопрос, можно ли зайти внутрь, спокойно открыли мне ворота:

19.

В глубине священной роши - маленький мавзолей, а рядом с ним танур, где по праздникам разводят священный огонь из смеси арчи (можжевельника), гармалы (той травы, которой на равнинах окуривают всё, что видят, цыгане-люли), пшеничной муки и топлёного масла, да кладут тлеющие ветки в специальный жертвенник у крыши, чтобы его дым отпугивал девов - по-нашему говоря, бесов. Днём здесь Свет, ночью - Тьма, и после захода Солнца на мазары ходить не к добру... Как часто бывает в Средней Азии, этот древний языческий храм просто назвали могилой мусульманского святого, принесшего в эти края ислам, и продолжили чтить его как дальние предки.

20.

Архаровы рога попадаются в Средней Азии тут и там, чаще всего я видел их на Памире, реже - в Северном Таджикистане и даже в узбекском кишлаке [Арсланбоб](#) в Киргизии. Говорят, такие места есть и на Кавказе, где свой аналог мазаров остался у осетин. Это не зороастризм и даже не гиндукушская религия дардов, а скорее остатки язычества саков - древних кочевников Турана, к коим относились и более нам знакомые скифы. Помимо настоящих рогов мазар украшает и резьба по их форме:

21.

Не знаю, есть ли здесь могила, да и археологи вряд ли знают. Но это и неважно - тут святыня места или рода, и не столь важно, какую этот род исповедует религию. На чорхане (четырёхярусном своде) кириллицей вырезано слово "Аллах".

22.

А в музей я так и не попал - пока осматривал мазар, хозяин успел уйти, и когда я вернулся к гестхаус и его хозяин позвонил музейщику, то оказалось, что тот на полпути пешком в другой кишлак, так что мне оставалось лишь уехать, утешая себя тем, что я видел и **настоящие, а не музейные, дома памирцев.**

Наматгут так и остался самой южной точкой моих путешествий - даже **Термез** и **Шаартуз** находятся севернее, а во всём бывшем СССР южнее лишь бывшая Кушка. Но густая шерсть тощих коров как бы намекает, что почти тропический Юг на высоте 2,5 километров не такой уж и знойный...

23.

Здесь я поймал большой чистенький джип, в котором ехало три человека - толстый разбитной бизнесмен с яркими серыми глазами, худой чиновник с крючковатым носом да молчаливый паренёк-шофёр. Бизнесмен днём ранее уже ехал со мной в коллективном такси из Хорога на Гарм-Чашма (см. прошлую часть), и запомнил, как мне сквозь открытое окно хлестнуло по лицу веткой. Сейчас же они ехали на другие горячие источники Биби-Фатима, где я и планировал заночевать. И вот Ваханская долина понеслась мимо калейдоскопом

24а.

Здесь часто встречаются такие вот самодельно-расписные дома, а через пару поколений

наверное и грузовики начнут расписывать да украшать резьбой.

24.

У Пянджа - ржавые экскаваторы как жертвы великого вымирания видов:

25.

А тонкий водопад - вполне может быть, что часть арыка, и льётся по расписанию:

26.

В статье из старого "Вокруг Света" (где есть и немало интересных зарисовок Таджикистана накануне гражданской войны) автор сравнил Ваханскую долину со стручком, где есть несколько малых долин - круглых "горошин" с крепостями, и есть мрачные пустые пространства между ними. Так мы покинули первую "горошину", и вот уже гнали по краю грандиозного мёртвого жёлоба гор и реки, ведущего словно напрямик за Край Света:

27.

Сероглазый памирец шумно рассказывал мне многое из вошедшего в пост [о Бадахшане в общем](#), и в том числе на чём свет стоит ругал таджикские власти да обзывал их "оккупантами" и "фашистами". Досталось и в России - за то, что бросила Памир на произвол судьбы, "но ведь Крым же Россия взяла! А мы чем хуже? Когда-нибудь-то вы наверное и до нас доберётесь?!", и я не знал, что ему ответить: Памир от России слишком далеко.

А за рекой в долинах мелькали гиндукушские вершины. Серый "фасад" Гиндукуша стоял 4-километровой стеной (то есть всего-то 1,5 километра над нами), а это уже натуральные "шеститысячники":

28.

Они выше, чем Аконкагуа - высочайшая гора за пределами Азии, но изрядно ниже, чем соседние Ношак (7492м) и Тирич-Мир (7708м):

29.

И по их гребням проходит афгано-пакистанская граница - Ваханский коридор расширяется от основания к концу, и здесь в нём всего километров 15-20:

30.

Воздух всё прозрачнее, чувство Края всё сильнее. Вот мелькнул у обочины камень, и мне показалось, что он весь покрыт яркими петроглифами, теми же типично [среднеазиатскими фигурками архаров](#), чьи рога похожи на солнце у горизонта. От такого я потерял дар речи, а когда смог об этом сказать - мы проехали уже пару километров, и не стали возвращаться к тому, что вполне могло быть наваждением.

31.

Боковые речки стекают с Памира в узких щелях:

32.

А за Пянджем на низком берегу афганский мальчик набирал пакетом воду из реки и пил:

33.

Так мы доехали до едва заметного селения Даршай с ещё одним мазаром:

34.

Даршай-мазар по сравнению с Шахи-Марданом куда как более суров, и внутри - не роща, а

голые камни, но на них - те же груды рогов. Архар как хозяин горных круч, не сверзающийся вниз даже с самых коварных обрывов, у здешних народов видимо с сакских времён - воплощение чистоты и свободы:

35.

В сотне метров дальше по дороге, на скалах - ещё одна небольшая крепость:

36.

Если Каахка была глиняной, то руины всех остальных крепостей, что я видел в долине - каменные:

36а.

Прямо сквозь крепость проходит ущелье, которое в некоторых местах можно перешагнуть:

37.

А зелёный кишлак Даршай - между скалой и Пянджем:

38.

Рядом небольшой информационный стенд, рассказывающий в том числе и о местной природе:

38а.

Продолжаем путь:

39.

Мне повезло, что подобравшие меня люди ехали именно на курорт, поэтому охотно останавливались в красивых местах. У очередного источника даже (без меня) накатили водочки с экипажем встречной машины, не спросив друг у друга имён.

40.

Гиндукуш всё так же стоит за рекой, и пятна полей и кишлаков у его подножья отсюда выглядят как лишайники на валунах:

41.

Очередной кишлак Шитхарв, и уже третий по счёту мазар. Я так и не удосужился зайти в джамаатхану - исмаилитскую молельню - и даже как она выглядят знаю лишь по чужим фото. А вот мазары здесь - словно сельские церкви:

42.

В нишах - камни, видимо как символические дары, хотя я могу ошибаться. В эти же ниши, видимо, кладут и смесь, тлеющую священным огнём. За закрытыми воротами - священная рожица:

43.

Ваханцы как они есть. Здесь чаще всего на Памире встретишь и цветастое национальное платье на старухе, и джинсы да футболку на стройной девушке:

44.

Если другие памирские народы на 2/3 живут в Таджикистане и на 1/3 в Афганистане, то ваханцы чисто количественно народ скорее пакистанский, вместе с Кашмиром там живёт почти половина ваханцев - 40 тысяч человек против 12 тысяч в таджикостанской части Вахана.

45.

И как же странно в этом безумно чуждом пейзаже, в этой фактически Горной Индии, обнаружить вот такой вот памятник общей беде и общей победе:

46.

И почему-то даже русская речь не удивляет здесь так сильно:

47.

Тем временем хозяева машины затарились пивом и закусками, и мы продолжили путь. Вот ещё один родник у дороги - их тут много, и вода в них в основном с железистым вкусом:

47а.

Остановка с символами, вряд ли понятными местной молодёжи, никогда не видевшей здесь и автобуса:

48.

На дороге где-то за Шитхарвом кончился асфальт:

49.

Пяндж стал равнинной рекой и распался на множество мелких проток. Тут, говорят, его можно перейти вброд, чем и пользовались в своё время афганские наркоторговцы.

50.

51.

За мёртвыми скалами и пылью показался следующий крупный кишлак Туггоз:

52.

Его сюжеты:

53.

54.

55.

56.

Здесь мы свернули с дооги и начали набирать высоту по серпантинам - к показанной на ввводном кадре горной крепости Ямчун. Но о ней, источниках Биби-Фатима и буддийском монастыре во Вранге - в следующей части. За пол-дня я проехал примерно половину долины, ещё не зная, что каждый последующий километр по ней даётся труднее предыдущего.